

УДК 81'233

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИЙ
РАСПРЕДЕЛЁННОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА И КОГНИЦИИ
А.В. Колмогорова (Новокузнецк, Россия)**

А.В. Колмогорова. Концептуализация субъекта деятельности в лингвокультуре с позиций распределённой модели языка и когниции. Статья посвящена обсуждению результатов экспериментальной работы по изучению социальной когниции как базиса для концептуализации фрагментов окружающей действительности представителями определённой лингвокультуры. В качестве объекта исследования и описания выступает категория субъекта деятельности в русском языковом сознании.

Ключевые слова: распределённая когниция, категория деятеля, концептуализация, языковое сознание, лингвокультура.

А.В. Колмогорова. Концептуалізація суб'єкта діяльності у лінгвокультурі з позицій розподіленої моделі мови та когніції. Стаття присвячена обговоренню результатів експериментальної роботи з вивчення соціальної когніції як базису для концептуалізації фрагментів навколишньої дійсності представниками певної лінгвокультури. В якості об'єкта дослідження та опису виступає категорія суб'єкта діяльності в російській мовній свідомості.

Ключові слова: розподілена когніція, категорія діяча, концептуалізація, мовна свідомість, лінгвокультура.

A.V. Kolmogorova. Category of agent conceptualization in the light of distributed model of language and culture. The article discusses the results of experimental research of social cognition as the basis for individuals' environment conceptualization. The attention is focused on the particular features of agent conceptualization in Russian linguistic consciousness.

Key words: distributed cognition, category of agent, conceptualization, linguistic consciousness, language, culture.

1. Введение

Семантика традиционно была и остаётся наиболее проблемной и дискуссионной областью лингвистического знания. Глубина, многоаспектность и диффузность её основного объекта – языкового значения – создают благодатные условия для появления многочисленных концепций и методологических платформ семантических исследований. Практически все парадигмы лингвистического знания, последовательно сменявшие друг друга на протяжении развития языковедения, предлагали свою модель описания семантики слова: семный анализ в рамках структурализма дал жизнь изошрённому формальному моделированию в рамках глоссематики, поглощённому, в свою очередь, популярностью функционально-семантического полевого моделирования. В эпоху стремительного развития

когнитивной парадигмы был генерирован целый кластер моделей семантического описания – прототипическая модель, метафорическая, концептуальная, моделирование при помощи имидж-схем, фреймовая и сценарные модели, модель описания при помощи семантических примитивов. Будучи, несомненно, эффективными, все они, так или иначе, отражали так называемый «интерналистский» подход к определению природы и сути когнитивных процессов: когниция интерпретировалась как процесс интериоризации внешних раздражителей в символную информацию, обрабатываемую затем мозгом в формате каких-либо ментальных структур, схем, которые, будучи сформированы, могли частично объективироваться в языковых структурах, в частности – в семантическом функционировании языковых знаков.

Однако, по мнению историков и исследователей когнитивной науки [Breunig 2010], сегодня мы можем констатировать наличие ещё, по крайней мере, двух волн когнитивной лингвистики: 1) направление «воплощённой когниции» (*embodied cognition*), рассматривающей тело человека как один из важнейших центров обработки – концептуализации – внешних, средовых, воздействий; 2) и так называемый «распределённый» подход к описанию и анализу когнитивных процессов.

Последний из названных подходов, который ниже мы подробно рассмотрим, даёт, на наш взгляд, наиболее широкие и продуктивные возможности для семантического описания, максимально приближенного к естественному взаимодействию человека в коммуникативно-социокогнитивной среде.

Таким образом, **актуальность** предлагаемого нами подхода к описанию значения и смыслов языковых структур в процессе естественного социокоммуникативного поведения обусловлена необходимостью приблизить семантическое описание к тем культурно-специфическим моделям поведения, формируемым в здесь-и-сейчас условиях взаимодействия индивидов в рамках определённой социальной среды, которые актуализируются благодаря тем или иным языковым структурам.

Новизна проводимого исследования связана с использованием в нём теоретического аппарата когнитивной науки, в частности теории распределённой когниции, уже апробированных методов когнитивной лингвистики на новом языковом материале (в частности метод когнитивного моделирования), а также с разработкой авторской методики – методики социокогнитивного матричного описания.

Проблема, на решение которой направлена проводимая нами совместно с международной группой исследователей Distributed Language Group работа, может быть сформулирована следующим, двухчастным, образом: 1) как связаны между собой процессы когниции, деятельности, коммуникации и, собственно, речи?; 2) можно ли генерировать такое описание значения слова, которое было бы максимально «экологичным» и помещало бы слово

в естественный средовой контекст, в котором оно существует в рамках определённого лингвокультурного сообщества?

В данной публикации мы ставим перед собой задачу показать на примере описания концептуализации категории субъекта деятельности в русской лингвокультуре, возможности распределённого подхода к описанию семантики и прагматики языковых категорий.

2. Теоретический базис

Теоретический базис работы составила концепция распределённой модели языка и когниции, разрабатываемая рядом европейских учёных, прежде всего, когнитивных психологов.

Сам термин «распределённая когниция» (distributed cognition) был впервые употреблён Э. Хичинсом в 1995 году [Hutchins 1995]. В этой, ставшей классической, работе примером, иллюстрирующим «как работает» распределённая когниция, является описание процесса совместной работы команды корабля, входящего в бухту: когнитивная задача решается путём интеграции различного рода ресурсов, начиная от интерпретации лоцманом показаний навигационных приборов, ряда специальных действий с картой, осуществляемых штурманом, и заканчивая слаженной работой остального экипажа по команде капитана. Ключевым моментом данной когнитивной деятельности является предвосхищение всеми участниками последующих собственных действий и действий других, результатом чего становится интеграция всеобщих когнитивных усилий и достижение когнитивного результата, которого каждый в отдельности достигнуть не смог бы. Э. Хачинс выделил 3 основополагающих характеристики данного феномена: когниция распределена 1) между членами социальной группы, 2) между внутренними по отношению к человеку системами и внешними системами (окружающей средой), 3) во времени – таким образом, что прошлые события оказывают влияние на последующие события в индивидуальной жизни человека [Hutchins 1995].

Дальнейшее развитие теории привело к формулировке ряда ключевых следствий из трёх положений, выдвинутых Э.Хачинсом. Следствие первое: **когниция есть «поверхностный» процесс**, протекающий не в глубинах человеческого сознания, а в повседневной коммуникации с другими членами сообщества, где происходит выделение и фиксация релевантных, а значит – когнитивно значимых, моделей поведения, обеспечивающих успешное взаимопонимание и взаимодействие индивида в группе. Таким образом, концептуализация того или фрагмента действительности происходит в социальной коммуникации. Следствие второе: **когниция есть контекстуализированный процесс** [Томаселло 2011], на результаты которого оказывают влияние не столько перманентные онтологически данные факторы и тенденции, сколько временные, здесь-и-сейчас условия: жесты, вокализации, реакции других людей, ощущения успеха/неуспеха, приятного/неприятного

и т.д. Следствие третье: **когниция есть этноспецифический процесс.** По словам одного из авторов концепции распределённой когниции Ст. Коули [Cowley 2009], когнитивные ожидания – установки на определённое восприятие будущих интеракций и когнитивные предвосхищения – моделирования ещё не произошедших интеракций суть два основных принципа, движущих человеческим взаимопониманием, которое, согласно известной антиномии В. Гумбольдта, относительно (понимание есть вместе с тем иллюзия понимания). Но и ожидания, и предвосхищения формируются в рамках этноса, в рамках лингвокультуры. Следствие четвёртое: **языковые структуры, и даже языковое значение, вторичны по отношению к коммуникации и когниции** – для Ст. Коули и его коллег [Spurette, Cowley 2004; Clark 2005] они являются лишь удобным материальным субстратом, «ограничителем», для фиксации распределённых в сообществе ожиданий и предвосхищений, составляющих суть распределённого знания.

Данная позиция, в принципе, была предвосхищена в лингвистике в работах А. Вежбицкой, посвящённых толкованию лежащих в основе менталитета той или иной нации, народа, культурных сценариев, своеобразными «скважинами» для доступа к которым являются ключевые слова культуры [Вежбицкая 1997]. Однако в качестве подобных «ограничителей», фиксирующих релевантные для социума модели поведения, могут выступать, как свидетельствует наша экспериментальная работа, и отдельные синтагмы, в частности – адъективно-субстантивные сочетания. Так, мы провели три серии экспериментов [Колмогорова 2009]. В первой 50 информантам было предложено сначала прочитать небольшой текст, повествующий о женщине, сознательно отрёкшейся от собственной личной жизни ради воспитания младшего брата, а затем – высказать своё отношение к женщине, аргументировав свою точку зрения. В ходе анализа полученных высказываний было выявлено, что одним из частотных средств аргументации положительного отношения к героине является синтагма *светлый человек*. Во втором эксперименте 186 информантам была предложена смоделированная ситуация знакомства с человеком, которого некто третий в разговоре характеризовал как *светлого человека*. Информантам были предложены различные модели поведения, а также предоставлялся выбор собственной модели. Более 80% респондентов выбрали ценностно окрашенную модель «я бы хотел познакомиться и подружиться с таким человеком, таких людей нужно любить и уважать». В третьем эксперименте контрольной группе из предыдущих 186 информантов было предложено таким же образом оценить человека, охарактеризованного как *хороший человек*. Подавляющее число респондентов отказались от ответа, испытывая затруднения для обоснования своего выбора той или иной модели поведения. Значит, синтагма *светлый человек* фиксирует некую важную релевантную для русского лингвокультурного сообщества модель поведения, а синтагма *хороший человек* – нет, выражая лишь определённую общую субъективную оценку. Аналогичные первой синтагме

примеры встречались нами в фактологическом материале при работе с прилагательными *тёмный, чёрный, белый* русского языка и *blanc, noir, sombre, obscur* – французского.

Поставив перед собой задачу выявления культурно-специфических социально обусловленных структур знания, определяющих функционирование лексических и лексико-грамматических единиц в определённой лингвокультуре, мы обратились к материалу, в котором можно наблюдать процесс формирования базисных моделей поведения в социальном и речевом контексте – общению матери с ребёнком.

3. Материал и методы исследования

В качестве объекта исследования нами была выбрана интеракция матери и ребёнка в возрастном периоде от 0 до 10 лет. Материалом для анализа послужил корпус видеозаписей, общая длительность которых составила 21 час 26 минут. Возраст матерей варьировал – от 21 года до 43 лет.

Ведущим методом анализа и описания является метод когнитивного моделирования, предполагающий теоретическое и гипотетическое воссоздание когнитивных структур на основе полученных экспериментальным путём фрагментарных, но валидных данных, опосредованно свидетельствующих о некоторых свойствах моделируемых структур. В качестве когнитивной модели нами использовалась модель так называемой «когнитивной матрицы», понимаемой, вслед за Н.Н. Болдыревым как единая система определённых когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их культурная специфика [Болдырев, Алпатов 2008: 6]. К структурным характеристикам когнитивной матрицы относят: 1) неиерархичность – компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным когнитивным областям, ни одна из которых не является обязательной или доминирующей; 2) гетерогенность в сочетании с интегративностью структурируемого знания – когнитивная матрица сводит воедино многоаспектные знания различного уровня сложности; 3) широта «вертикального охвата» типов знания – когнитивная матрица сводит воедино знания разных уровней концептуализации: от первичного восприятия до экспертного уровня.

Принимая данную трактовку когнитивной матрицы за основу, в нашей работе мы вводим понятие социокогнитивной матрицы. В ядре социокогнитивной матрицы находится релевантная для данного сообщества модель социальной интеракции. В качестве компонентов матрицы рассматриваются различные контексты или модусы проявления ядерной модели социальной интеракции: вербальный (в том числе интонационный, фонетический, лексический, грамматический), невербальный (в том числе сенсомоторный, мимический и жестовый), материально-объектный (количество и качество используемых в ходе интеракции материальных объектов,

их функции), субъектный (количество участвующих в интеракции субъектов, их роли и функции).

Таким образом, мы определяем **социокогнитивную матрицу** как модель взаимосвязей и взаимоотношений, существующих между различными модусами социальной интеракции, совокупность которых ориентирует её участников на релевантную в данном лингвокультурном сообществе модель социального поведения. Возвращаясь к исходной модели когнитивной матрицы Н.Н. Болдырева, можно сказать, что в ядре социокогнитивной матрицы находится не ментальный объект, а интересубъективный социальный объект, который видится через призму способов и средств его формирования и интерпретации в рамках определённой лингвокультуры.

Итак, в качестве эвристически продуктивного конструкта – модели описания – мы будем использовать социокогнитивную матрицу (рис.1).

Рис.1. Модель социокогнитивной матрицы

Однако для того, чтобы извлечь данные из исследовательского материала нам понадобится некая операциональная единица описания. В нашем исследовании в качестве таковой будет выступать такая единица, как **«практика общения»**.

«Практика общения» в рамках исследования общения матери и ребёнка определяется нами как способ осуществления ориентирующего поведения, используемый матерью в повседневном взаимодействии для формирования в когнитивном опыте ребёнка присущих данному лингвокультурному сообществу социокогнитивных матриц, представляющий собой специфическое сцепление актов вербальной, невербальной, интенциональной и аффективной активности матери.

4. Результаты и их интерпретация

В результате исследования нам удалось выявить и описать ряд практик общения, обнаруживающих сходство на уровне вербальных, невербальных,

субъектных и материально-объектных проявлений, несмотря на возрастные, профессиональные и социальные различия матерей. В процессе анализа и генерализации общих свойств данных практик, гипотетического установления их взаимосвязей мы смоделировали ряд социокогнитивных матриц, регламентирующих определённые модели релевантного в рамках русского лингвокультурного сообщества поведения. При этом собственно лингвистические маркеры (лексические единицы, грамматические категории, фонетические свойства) оказались, с одной стороны, экологично вписаны в контекст других взаимодействий, формирующих в комплексе холистическую модель взаимодействия. С другой стороны, оказалось возможным вписать семантику лексических единиц в общий когнитивный контекст. Рассмотрим изложенные положения на примере.

Нами были описаны 3 разновидности такой практики общения, как **практика формирования категории субъекта деятельности**: псевдоагентив, совместный агентив и псевдосовместный агентив.

Псевдоагентив: Совершая какие-либо действия с ребёнком – почистить уши, помыть глаза, переодеть, поменять подгузник – мать, оформляя высказывание, ставит имя ребёнка в позицию агентива (мы назвали такую особенность «псевдоагентивом»):

(1) (диада № 19: мама 33 года, дочь 6 мес.; мама проводит утренние процедуры с ребёнком на пеленальном столе)

/Чистую Катя маечку сейчас оденет//

(2) */Вот Катя ушки почистила//*

«Совместный агентив» используется непосредственно перед выполнением какого-либо действия, где мать выступает в роли агенса, а ребёнок – пациенса, она как бы прогнозирует это действие, представляя его как согласованное взаимодействие одинаково активных субъектов:

(3) (диада № 18: мама 33 года, сын 2 года; мама открывает книгу)

/Сейчас читать будем//;

(4) (диада № 35: мама 24 года, дочь 3 мес.)

/Сейчас мы погуляем/ помоемся и спать//;

(5) */Давай пелёнку поменяем//*

Или перед тем как в ванной приступить к обтиранию ребёнка, мать говорит:

(6) (диада № 6: мама 23 года, сын 3 мес.)

/Спинку будем вытирать//;

При этом согласное, послушное (хотя и пассивное) поведение ребёнка, скажем, он не сопротивляется обтиранию, демонстрирует удовольствие от этого процесса, поощряется похвалой, ласковой интонацией, повторением имени ребёнка.

Псевдосовместный агентив: часты случаи, когда действие выполняет именно ребёнок, но мать обозначает ситуацию при помощи «совместного» агентива, используя местоимение *мы*:

(7) */Мы сейчас на животик ещё с тобой ляжем//;*

(8) */А куда мы смотрим//.*

В результате анализа и моделирования нами была получена **социокогнитивная матрица** «мониторинг «плавающих» границ социального/физического тел себя и партнёра в категории деятеля», которая заключается в том, что благодаря практике материнского общения в когнитивном опыте ребёнка формируется установка на то, что физическое тело субъекта действия может не совпадать с социальным телом деятеля. При этом формируемая матерью в когнитивно-коммуникативном опыте ребёнка модель поведения как «деятеля» может быть эксплицирована следующим образом: *«в отдельные моменты, когда два человека или несколько человек тесно связаны между собой отношениями социальной зависимости (узами заботы, опеки, зависимости, сопричастности) реальный субъект действия теряет свою значимость, а взаимодействующие люди образуют единое субъектное целое, в рамках которого фокус деятеля может свободно перемещаться»*. На уровне модусов проявления, по которым данная модель как бы «считывается» сознанием коммуниканта-представителя русской лингвокультуры, социокогнитивную матрицу можно охарактеризовать следующим образом:

а) вербальный модус: для данной модели поведения в её вербальном аспекте характерны интонационное выделение глагольных лексем, обозначающих действие; использование имени собственного того, кто сам действие не выполняет, но присутствует в ситуации, либо «совместного» *мы* в позиции агентива; референционально смещённое употребление личных местоимений, употребление наречий, обозначающих момент в будущем-настоящем, а также указывающих на только что полученный результат; использование морфологической формы будущего времени глаголов;

б) невербальный модус характеризуется особым комплексом семиотически значимых движений: контактный взгляд+выполнение какого-либо действия над партнёром по взаимодействию, вместе с ним или вместо него;

в) субъектный модус характеризуется замкнутостью в границах диадического взаимодействия;

г) материально-объектный модус характеризуется включённостью в поле взаимодействия объектов привычного ежедневного обихода: предметов гигиены, одежды, книг; при этом важно, что, и в ситуации псевдоагентива, и псевдосовместного агентива, когда налицо референциональное смещение субъекта – действует один, а в качестве субъекта обозначается другой – оба прикасаются, держат в руках какой-либо один общий предмет.

В рамках русской лингвокультуры данная модель поведения затем реализуется и вне рамок материнского общения, экстраполируясь на широкий круг ситуаций взаимодействия – учитель/ученик, начальник/подчинённый, врач/пациент т.д.

Так, например, задавшись вопросом о том, насколько выявленная в материнском поведении линвокультурная модель социального взаимодействия релевантна для других сфер общения в русском коммуникативном сообществе, мы обратились к данным Национального корпуса русского языка, а также к фиксации собственного устного речевого материала.

Разновидность такой практики общения, как «псевдоагентив», мы обнаружили в общении, являющемся частью социальных отношений подчинения. Например, в телефонном разговоре с подругой жена хочет, чтобы муж тоже с ней поговорил, хотя он такого желания не обнаруживает:

(9) *Маиш/ да/ ну ладно/ щас Сашка хочет с тобой поговорить/ щас он трубку берёт//* (женщина, используя контактный взгляд, протягивает сопротивляющемуся мужу трубку, а затем и вкладывает её ему в руку) (из собственных записей устной речи).

Интерпретируя данную ситуацию взаимодействия, следует отметить, что мы наблюдаем случай, когда действие навязано, фактически, выполняется одним субъектом – женой, а обозначается в речи как действие другого субъекта – мужа. При этом мы можем наблюдать те же вербальные и невербальные маркеры: интонационное выделение глагольных форм (*хочет, берёт*), использование наречий для обозначения момента будущего-настоящего (*сейчас*), контактный взгляд, наличие тактильного контакта через предмет-медиатор (трубка).

Или другой пример: во время заседания кафедры коллеги высказали ряд нареканий на работу лаборанта, в частности на её нерасторопность в отношении передачи служебных бумаг в различные инстанции. На что заведующий кафедрой отреагировал следующим образом:

(10) */Сейчас Олеся возьмёт бумаги* (контактный взгляд, протягивает стопку бумаг, дожидается, пока Олеся подойдет и протянет руку за бумагами) *и пойдёт с ними в отдел кадров* (вкладывает бумаги ей в руки) */ прямо сейчас//*

В данном случае мы также наблюдаем «плавающий фокус» субъекта действия – очевидно, что действие предвосхищено, навязано и частично выполнено (Олеся не сама взяла бумаги – заведующий ей их вложил буквально в руки) одним субъектом, но языковую маркировку субъекта действия получает другой человек. При этом – те же вербальные маркеры, что и в общении матери с ребёнком – формы будущего времени глаголов (*возьмёт, пойдёт*), наречие – маркер будущего-настоящего (*сейчас*), интонационное выделение глагольных форм. Что касается невербального и материально-объектного модусов, то заведующий, назовём его лидером социального взаимодействия, использовал контактный взгляд, а также сформировал ситуацию медиации при помощи материального объекта – стопки бумаг.

Что касается практики общения «совместный агентив», когда степень активности и самостоятельности субъектов, являющихся частью одного взаимодействия, различна, но в высказывании они маркируются как

равноправные агенты, то она чрезвычайно частотна. Отметим, что, если для реализации псевдоагента характерна социальная ситуация подчинения, то для совместного агента – ситуация социальной эмпатии, взаимозависимости. Так мы выделили следующие виды социальной интеграции в рамках рассматриваемой практики:

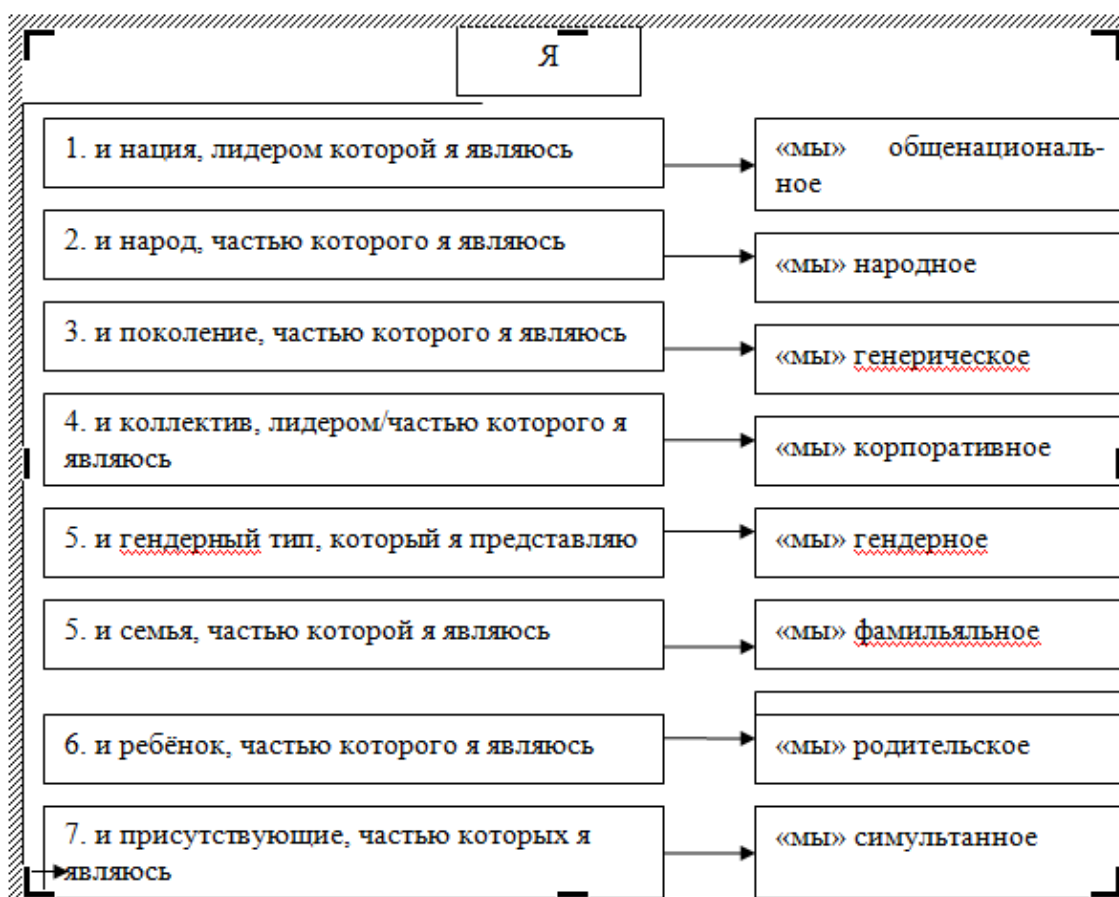

Рис.1. Виды социальной интеграции в рамках «совместного агента»

Рассмотрим следующие примеры:

«мы» общенациональное

(11)...Во всяком случае, **мы** намерены сотрудничать с Афганистаном, и нисколько не сомневаюсь, что это пойдёт на пользу, как нашим соседям, так и нашим государствам – Российской Федерации и Узбекистану [В.В. Путин. Выступление встречи с И.А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004. – НКРЯ];

«мы» народное:

(12) [1, жен, 35] Хорошо / что **мы** стали объединяться в борьбе с этим злом / терроризмом. Как говорится / не было счастья / да несчастье помогло [3, муж, 27]. № 3. Очень порадовало / что **мы** в Афган не вошли [Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2001. – НКРЯ];

«мы» генерическое:

(13) [Прохожий, Анатолий Солоницын, муж] *Никуда не бегают... Это мы всё бегаем / суедемся. Всё пошлости говорим / эт всё от того / что мы природе что в нас / не верим. Всё...какая-то недоверчивость... торопливость / что ли... Отсутствие времени / чтобы подумать* [Мать, Маргарита Терехова, жен] [Андрей Тарковский, Александр Мишарин. Зеркало, к/ф (1974). – НКРЯ].

«мы» корпоративное:

(14) *"В этом году мы потратили много усилий на то, чтобы вместе сделать Volari XR 5 решением, которое отвечало бы потребностям заказчиков как Transmeta, так и XGI, – отметил вице-президент XGI по маркетингу Роберт Фанг. – Теперь мы с уверенностью предлагаем его производителям ноутбуков, которые хотели бы создавать эффективные с точки зрения энергопотребления продукты* [Вячеслав Соболев. Есть ли шансы у XGI // «Computerworld», 2004. – НКРЯ];

«мы» гендерное:

(15) [№ 1, жен, 16] *Я тоже сейчас прибегаю / они такие "зачем каблук одела?" Я думаю "как вам объяснить?"* [№ 2, жен, 19] № 2. *Потом очень многие ребята не понимают / зачем мы красим ногти / глаза...* [Разговор при выходе из дома, Москва // практиканты, 2005. – НКРЯ];

«мы» фамильяльное:

(16) [Клавдия Ивановна, жен, 84] *Так // Ээ теперь... я вам только могу ... о-от я в тридцать шестом / ой! / в тридцать втором году мы сюда приехали //* [Гость 2, жен, 42] *А откуда? Вот // мы с Новосибирской области приехали // А почему приехали?* [Рассказ о работе МТС // ДВГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2010. – НКРЯ].

«мы» родительское:

(17) [Мама 27 лет, сын 4 года] / *Мы сейчас с тобой книжку читаем //* [из авторского корпуса материнского общения]

«мы» симультанное:

(18) [Сеня, муж] *Послушаем радио «Монте Карло». Кошмар. Девушка в иностранке.* [Юля, жен] *Ух... Ну / мы поняли. Да. Я тоже так подумала.* [Сеня, муж] *Перебьемся.* [Разговоры за игрой в карты (2009). – НКРЯ].

Являясь наиболее частотной реализацией практики формирования категории субъекта деятельности, «совместный агентив» реализуется как в устной речи, так и в письменной, как в повседневной спонтанной, так и в публичной подготовленной, охватывает многочисленные ипостаси социальной включённости, нивелируя важность степени активности и самостоятельности субъекта в деятельности, но акцентируя факт его включённости в социальные страты.

Ещё одна разновидность реализации модели практики формирования категории субъекта деятельности, отмеченная нами в рамках общения матери с ребёнком, – «псевдосовместный агентив» – проявляется также и в других

сферах общения представителей русской лингвокультуры. При этом, в поле совместного субъекта могут быть вовлечены и домашние животные, например:

(19) – *Весной **мы** родили две тысячи телят, а теперь будем осеменять коров круглый год – получим минимум три тысячи телят, на добавочную тысячу больше. Это при том стаде, какое у нас есть...* [А.П. Платонов. Ювенильное море (Море юности) (1934). – НКРЯ].

Совершенно очевидно, что ветеринары осуществляли только сопровождающую деятельность, а активными субъектами действия рождения были домашние животные, но говорящие концептуализируют и себя как активных участников деятельности.

Аналогичный пример, находим в следующей типичной ситуации (зафиксирована нами): инспектор ДПС останавливает автомобиль, за рулём которого женщина, а в качестве пассажира – её муж. При этом муж, выходя из машины, начинает диалог с инспектором следующим образом:

(21) */Начальник/ **мы** вроде ничего не нарушили? **Мы** сейчас покажем документы* (жена достаёт документы и протягивает инспектору)

а заканчивает

*/**Мы** можем ехать?//*

Таким образом, мы наблюдаем как говорящий, не являясь активным субъектом деятельности, а только её наблюдателем, поскольку и автомобиль ведёт жена, и правила, если и нарушены, то ею, и документы показывает она, причисляет и себя к категории деятелей посредством использования местоимения *мы*. Отметим, что в ситуациях использования псевдоагента говорящий реализует социально-коммуникативную позицию защитника, опекуна, т.е. человека, обладающего большим опытом и возможностями.

5. Теоретические следствия

Обобщая полученные результаты, мы пришли к построению следующей распределённой модели концептуализации категории субъекта в русском языковом сознании:

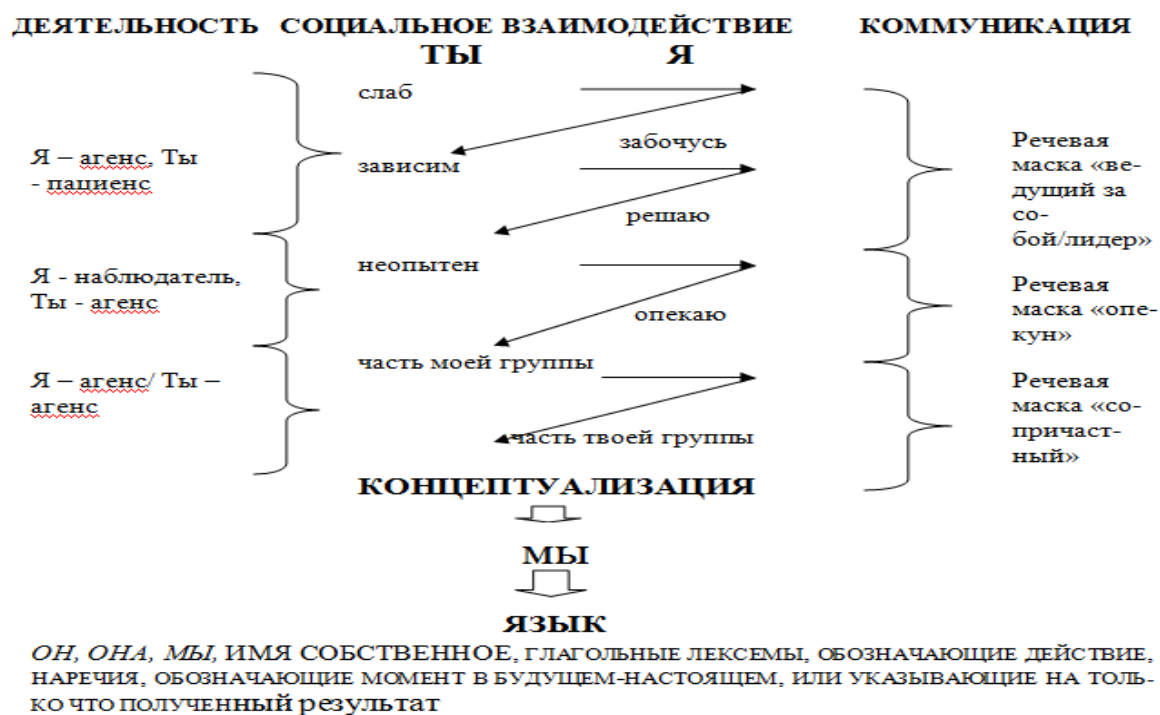

Рис. 2. Распределённая модель концептуализации субъекта в русской лингвокультуре

Таким образом, реальность деятельности – различная степень участия в деятельности – в социальной интеракции, принятой, одобряемой в русском лингвокультурном сообществе, трансформируется в когнитивную структуру матрицы, фиксирующей ценностно окрашенные паттерны поведения: *в отдельные моменты, когда два человека или несколько человек тесно связаны между собой отношениями социальной зависимости – ты слаб – я забочусь, ты зависим – я решаю, ты неопытен – я опекаю, ты есть часть моей группы – я есть часть твоей группы – реальный субъект действия теряет свою значимость, а взаимодействующие люди образуют единое субъектное целое, в рамках которого фокус деятеля может свободно перемещаться.* В коммуникации данная матрица проявляется в серии речевых масок, легко узнаваемых в общении: «ведущий за собой, лидер», «опекун», «сопричастный». Именно данная социокогнитивная матрица является базисом для концептуализации категории МЫ в языковом сознании и картине мира представителей сообщества. Естественно, что, концептуализированная таким образом, категория субъекта деятельности фиксируется особым образом в языковых структурах, в их семантике и функционировании.

6. Заключение

1. Распределённый подход к описанию концептуальных и языковых структур позволяет, с одной стороны, учесть влияние значимых социального и этноспецифического факторов на когнитивные и семантические процессы, а с другой стороны, дать «экологическое» описание семантики языковой

единицы, рассматриваемой в комплексе как экстралингвистических, так и лингвистических связей.

2. Использование понятий «практика общения» и «социокогнитивная матрица» как операциональной и системной единиц анализа и описания, соответственно, является эффективным способом осуществления распределённого описания концептуальных и языковых структур.

3. Изучение когнитивного и вербального аспектов взаимодействия матери с ребёнком в рамках определённой лингвокультуры даёт валидный исследовательский материал для выявления социокогнитивного базиса концептуальных и языковых структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5–14.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание ; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М., 1997. – С. 231–290.
3. Томаселло М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло / Пер. с англ. – М. : Языки русской культуры, 2011. – 324 с.
4. Колмогорова А.В. Аргументация в речевой повседневности / А.В. Колмогорова. – М. : Флинта-Наука, 2009. – 145 с.
5. Breunig S. Conceptual, social and material scaffolding for L2 writers / S. Breunig // Proceedings of the International Conference “Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions: Theoretical and Applied Perspectives”. – Irkutsk : BNUEL, 2010.
6. Clark A. Beyond the flesh: Some lessons from a mole cricket / A. Clark // Artificial Life. – 11(1). – 2005. – P. 233–244.
7. Cowley S. J. Distributed language and dynamics / S.J. Cowley // Pragmatics & Cognition. – 2009. – №17(3). – P. 495–507.
8. Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition / S.J. Cowley // In D. Spurrett (ed.) Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Sciences. – 2004. – № 26/6. – P. 565–591.
9. Hutchins E. Cognition in the Wild/ E. Hutchins. – Cambridge, MA : MIT Press, 1995. – 381 p.

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка и методики преподавания ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия»; e-mail: nastiakol@mail.ru